

АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО



РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗА ЧЕРТОЙ

18+

Андрей Панченко

За чертой

«Автор»

2026

Панченко А.

За чертой / А. Панченко — «Автор», 2026

1986 год. Афганистан. Разведгруппа спецназа ГРУ получает задачу, которая быстро превращается в бой на грани возможного. Штурм укрепленного района Карера, рейд через пакистанскую границу, трое суток непрерывных боёв в горах, окружение и отход с погибшими на плечах. Сергей Серёгин уже не тот молодой боец, который только попал в отряд. Теперь за его спиной люди, за которых он отвечает, и война, которая навсегда остаётся внутри. Но после боя начинается другое испытание. Политики и генералы пытаются замазать скандал, награды отменяют, а подвиг спецназовцев превращают в неудобную историю. Про тех кто погиб и пропал без вести как будто забыли. И всё же для тех, кто был там, за чертой афганской границы, эта война уже никогда не закончится. «За чертой» - жёсткий и реалистичный роман о спецназе ГРУ в Афганистане, о долге, братстве и цене, которую платят за победу.

© Панченко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

За чертой	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Панченко

За чертой

За чертой

Глава 1

За операцию по захвату укрепрайона Карера никого из живых не наградили. Только погибшие получили ордена посмертно. Скандал с заходом спецназа на территорию Пакистана и бой на границе вышел грандиозным. Спецназовцы вступили в прямое огневое столкновение не только с моджахедами, но и с пограничными войсками Пакистана. Это подтверждалось захваченными трофеями и телами убитых в пакистанской форме. Пакистан заявил официальный протест, обвинив СССР в прямой агрессии и вторжении. В западной прессе инцидент освещался как доказательство экспансии Советов за пределы Афганистана. В газетах публиковали фотографии красного флага, поднятого над занятой нами высотой. Той самой тряпки, выдранной из афганской жилетки, что я понял на разбитых позициях, чтобы отвлечь духов и не дать им атаковать.

Командир пятнадцатой бригады спецназа был снят с должности и отправлен в СССР с понижением. Представления к государственным наградам для участников боя были аннулированы.

В нашем отряде эту новость переживали как личную трагедию. Не из-за наград, а из-за судьбы командира. Именно благодаря ему были спасены джелалабадцы и больших потерь удалось избежать. Он принял на себя ответственность, приказав артиллерии бить по подходящим резервам из Пакистана, и именно он дал команду летчикам работать за территорией Афганистана.

Наш майор тоже тяжело переживал несправедливое отношение командования к подвигу своих солдат.

- Парни, спасибо вам – Майор с потухшими глазами и с таким перегаром, что его чувствовал весь строй, стоял перед нами на плацу, сняв с головы кепку и покачиваясь – Суки штабные хотят всё замять, все наградные завернули. Падлы... Но ничего. Каждый своё получит, и вы свои награды, и эти уроды своё. Бог он всё видит. А наградные мы перепишем, пусть не за Кареру, но я вам клянусь, я найду за что вам вручить ордена.

- Товарищ майор... - Стоящий рядом замполит, попытался взять командира под руку, чтобы увести с глаз бойцов.

- Что бля?! Скажешь я не прав?! – Майор налитыми кровью глазами посмотрел на замполита.

- Я не об этом – Замполит и бровью не повел – Я просто хочу сказать, что нужно распускать бойцов. Стоим на плацу уже час, это отличная цель для духов. Могут обстрелять. Жалко будет, если парней прямо на плацу минами накроет.

- Минами? – Майор оглядел окружающие базу отряда горы мутным взглядом – Да, могут минами. Ладно, занимайтесь по расписанию...

Майор развернувшись побрел в штаб, а мы, повинувшись движению руки замполита, который за спиной майора показывал нам срочно испарится с плаца, мгновенно разбежались кто куда.

Ко всему прочему настроения не добавляло и отсутствие вестей про тех бойцов, которых мы не нашли... Про двоих пропавших спецназовцев джелалабадского отряда сначала почти не

говорили. Их не забыли - наоборот. Пока человек числится пропавшим без вести, внутри всё равно живёт тупая, упрямая надежда. Не разумная даже, а какая-то звериная. Может, ушли в сторону. Может, раненых подобрали местные. Может, сидят где-то в кишлаке. Может, плен.

Слово «плен» в отряде старались лишней раз вслух не произносить. Их искали через агентуру. Через местных проводников, через торговцев, через людей, у которых были родственники по ту сторону границы. Через тех, кто за деньги, страх или взаимную услугу мог узнать то, о чём посторонним не рассказывали. Информация приходила обрывками, противоречивая. Сначала прошёл слух, что двоих наших видели живыми. Потом - что оба тяжело ранены. Потом - что их унесли люди с пакистанской стороны. После этого снова наступила тишина.

Потом информация всё-таки подтвердилась. Обоих взяли в плен тяжело ранеными ещё во время боя. Один был без сознания, второй ещё какое-то время приходил в себя, но прожили они недолго. Раны были слишком тяжёлыми, крови потеряно слишком много. По слухам, умерли они уже в первые дни после боя где-то на территории Пакистана.

Хуже всего было даже не это. Хуже было то, что похоронили их неизвестно где. Просто - где-то за границей. В чужой земле. Под чужими камнями.

Наши теперь пытались выяснить место захоронения и найти способ вернуть тела. Через посредников, через старейшин, через агентуру. Любой ценой. Потому что в спецназе к своим погибшим отношение было особое. Живых вытаскивали из-под огня. Мёртвых тоже старались не оставлять. И мысль о том, что двое наших лежат где-то за кордоном, спокойно жить никому не давала.

Но официально они всё ещё числились пропавшими без вести. В Союз родным уходили осторожные бумаги и сухие формулировки. Без подробностей. Без слов про плен. Без Пакистана. Без того, как всё было на самом деле.

Наверное, это было даже страшнее смерти. Ведь их матери продолжали ждать писем. Надеялись, что их сыновей, может быть, обменяют. Кто-то наверняка каждый день вздрагивал от звонка или стука в дверь. А мы уже знали правду и ничего не могли сказать.

Даже разговоры про скандал, про снятого комбрига, про западные газеты и фотографии красного флага как-то отошли на второй план. Потому что одно дело - политика. Другое - свои погибшие, которых не смогли вернуть домой.

Именно тогда я окончательно понял, почему старики так ненавидят слово «пропавший». Потому что пока человек пропал без вести - война для его близких не заканчивается. Она продолжается каждый день. Медленно. Годами. Без выстрелов и взрывов. И это даже страшнее, чем там, в горах.

Вчера улетели вертолеты с дембелями. Равиль, Игорь Быков, Лёня Лобанов, Володя Вебер и Миша Саевич улетели в Кабул, ждать самолета, который должен будет их отвести домой, в Союз. И вместе с ними, улетела как будто часть моей души. Расставаться с парнями, с которыми мы вместе прошли огонь и воду, было тяжело до слёз.

- Серёга, брат! Я домой лечу, аж не вериться! – Равиль обнял меня на прощание, уже перед самой посадкой – Дембельнешься, сразу ко мне, в Казань! У нас там красиво, вот увидишь, тебе понравится. Ты же любишь рыбалку говорил? Приедешь, на Волгу пойдём, на рыбалку, там такие места, что мама не горюй. Буду ждать тебя брат. И пиши, как тут у вас и чего. А, ещё, не вздумай мне тут сдохнуть!

Быков крепко пожал мне руку, и тоже не удержался от объятий. В парадной форме, с орденом и медалями на груди, с нашивками за ранения, со старшинскими погонами, которые ему вручили буквально за пару дней до отлета, он выглядел солидно. Голубой берет каким-то чудом едва не сваливался с его затылка, настолько он его задвинул назад. Если со стороны солнца встанет, и смотреть только на лицо - как образ на иконе выглядит. Лик усатого спецназовского ангела-хранителя, в голубом ореоле.

- Ну что Серый, бывай. Я за нашу группу теперь абсолютно спокоен, правильно Морозов сделал, что тебя замком вместо меня поставил. И как есть тебе скажу, без соплей. Когда ты со своим пулеметом был у нас за спиной, я всегда знал, что духи не пройдут и группу не догонят на отходе. Спасибо тебе.

Глаза на мокром месте, я едва сдерживался. Тяжёлое для меня вышло прощание.

Да. Теперь я заместитель командира группы и старший сержант. Хотя нас и не наградили за тот бой, но я получил новое звание, перепрыгнув через одну ступень, и теперь заместитель Морозова. Должностью я обязан старлейю, он сам ходил к майору, с просьбой меня утвердить, а вот звание получил благодаря замполиту отряда. Он, впрочем, как и все группы, находящиеся на вершинах по флангам той высоты, с которой мы эвакуировали погибших, видел тот самый злополучный красный флаг, ставший знаменитым даже в западной прессе. Видел и не забыл. Молодым бойцам тереть меня ставили в пример на политзанятиях.

Политзанятия после Кареры вообще превратились в какой-то театр абсурда. Замполит стоял перед молодыми бойцами, тыкал указкой в карту, рассказывал про «мужество советского солдата», а потом внезапно говорил:

- Вот Серёгин. Смотрите и запоминайте. Трое суток боёв. Раненый. Один прикрывал отход группы. Не побежал, не бросил своих, не дрогнул. А когда духи полезли со всех сторон и стало совсем тяжело - что сделал? Красный флаг над позицией поднял! Чтобы враг видел: советский солдат стоит и будет стоять до конца! Вот так воевали наши деды. Вот так должен воевать боец спецназа Советской армии!

И все сразу поворачивались ко мне. А мне в такие моменты хотелось только провалиться сквозь землю. Потому что перед глазами сразу вставали не эти политзанятия и не карты. А волокуши. Окровавленный брезент. Дувал. И имена тех парней, которых мы так и не нашли.

Я замполита не винил. Хороший он мужик по сути, на боевые ходит как все офицеры отряда, за солдат как лев бьется, когда надо. И речи эти он говорит, не потому что ему это нравится, а потому что это его работа. Но всё равно, для меня это всё как серпом по яйцам. Больно и страшно. Потому что я там был, потому что я точно знал, что тогда видел и чувствовал.

Но молодые смотрели иначе. Для них мы уже были ветеранами. Настоящими. Теми, про кого шёпотом рассказывают в курилках. Три красные нашивки за ранения, медаль «За отвагу» - герой, с заглавной буквы «х». Да, нашивки у меня теперь три. Контузия грудной клетки, при попадании в бронезелет, шея, и левая рука. Маленький осколок попал мне в руку ещё на высоте, когда я лежал под минометным обстрелом, и его даже пришлось доставать, а рану зашивать. Но если честно, кроме того самого удара, при попадании, боли я тогда особо не чувствовал, на адреналине был. Все ранения можно сказать пустяковые, но тем не менее для молодых я чуть ли не умирал три раза.

- Это они в Пакистан ходили. - Шептались у нас за спиной.

- Это их флаг потом по Би-Би-Си показывали.

Бред какой-то. Ещё месяц назад я сам смотрел на стариков примерно так же. А теперь пацаны при виде меня вскакивали с табуреток в расположении и торопливо убирали с прохода сапоги, чтобы я смог пройти и не дай бог не споткнулся. Наверное, чтобы мне четвертую нашивку за это не присобачили. Завистливые гады...

После политзанятий один молодой как-то спросил меня совершенно серьёзно:

- Товарищ старший сержант... А правда, что вы тогда один целую высоту держали?

Я чуть сигаретой не подавился.

- Кто тебе такую херню сказал?

- Ну... Говорят...

- Запомни, боец. Одному высоту ну никак не удержать. Одному только сдохнуть можно быстро. Я прикрывал отход группы и на самой высоте минут пять-десять всего один был, к тому же там даже выстрела ни одного не сделал! И хорош всякую чушь молот.

Он смутился, закивал. А я потом ещё долго сидел возле казармы и курил.

Потому что именно это больше всего бесило после всех этих разговоров про Кареру. Людям всегда нужна красивая история. Герой с красным флагом. Последний бой. Подвиг. А настоящая война вообще некрасивая.

Настоящая война - это когда шестеро уставших, грязных мужиков молча тащат по камням тела своих товарищей, потому что бросить их нельзя. Когда у пулемётчика руки трясутся не от страха, а потому что он третьи сутки почти не спал. Когда ты уже не понимаешь, от чего звенит в ушах - от взрывов мин или от собственной усталости. Когда радуешься не победе, а тому, что успели вытащить своих. Мертвых...

Вот и вся романтика. Но молодым этого пока было не объяснить. Для них война всё ещё выглядела как что-то из фильмов или рассказов стариков. Такое не объяснить словами. Всё поймут они позже. После первых выстрелов над головой. После первых убитых. После первого крика раненого товарища. Жуткого, полного нестерпимой боли и ужаса.

Отряд после Кареры вообще изменился. Тихо стало. Нет, жизнь продолжалась. Группы всё так же уходили в горы. Прилетали вертолёты. Артиллерия по вечерам всё так же бухала где-то по зелёнке. Но что-то всё равно изменилось. Даже объяснить нормально не могу, что. Просто всё стало по-другому, серьезнее что ли. Иногда мне казалось, что в том бою весь отряд повзрослел сразу на несколько лет. Даже дембеля перед отлётом уже не ходили гоголем, как раньше. Не было привычного ржача возле курилки, не было вечных подколов молодых. Всё как-то притихло. Будто каждый внутри себя что-то переваривал.

И Морозов после той операции тоже стал другим. Внешне всё как обычно, но это только внешне. Всё тот же спокойный голос. Всё те же короткие команды. Всё та же привычка молча курить перед выходом, сидя на ящике с патронами. Но теперь он улыбаться почти перестал.

Однажды вечером мы сидели возле каптёрки, чистили оружие после выхода. Морозов долго молчал, потом вдруг сказал:

- Знаешь, Серый...

- А?

- Мы тогда победили. По всем раскладам победили. Задачу выполнили полностью. А ощущение такое, будто проиграли.

Я ничего не ответил. Потому что сам чувствовал примерно то же самое. Он докурил сигарету, щелчком отправил окурок в пыль и тихо добавил:

- Запомни одну вещь. На войне самое тяжёлое не в атаку ходить. И не под пулями сидеть. Самое тяжёлое - потом жить дальше.

Тогда я только кивнул. Не до конца понимая. Понял позже. Потому что война никуда не делась. Просто после Кареры она стала другой. Теперь я уже сам отвечал за молодых. Сам проверял перед выходом снаряжение. Сам следил, как уложены ленты, закреплены гранаты, подогнаны ремни. Сам орал на бойцов за расхлябанность. Слышал иногда собственный голос и ловил себя на мысли, что начинаю говорить как Быков. Или как Морозов.

А по ночам иногда снился тот хребет. Красный флаг над камнями. Ми-24 над дувалом. И пятеро погибших, которых мы всё-таки не бросили.

Молодых начали гонять жёстче, да и нам, уже обстрелянным и всякого повидавшим ветеранам тоже доставалось. Если мы не ходили и не летали на боевые, мы тренировались. Морозов теперь вообще никому спуска не давал. Если раньше он мог молча посмотреть, махнуть рукой, то теперь за любую мелочь мог врезать таким матом, что даже старики втягивали головы в плечи.

- Почему лента в коробе дребезжит?! Тебя что, ничему жизнь не учит идиота?!

- Почему лифчик у тебя чуть ли не на мудях болтается?! Ты как с этой херней в горы собрался идти?!

- Почему подсумок для граната не застегнут?!

И всё это с ледяным спокойствием в голосе. Без крика почти. Но от этого было ещё неприятнее. Потому что все понимали - он дрючит косячника не из-за разгрузки или гранаты. Он просто слишком хорошо помнил, как быстро в горах любая мелочь может превратить человека в труп.

А тем временем в Асадабаде наступала весна. Днём уже жарило так, что броня БМП раскалялась, как печка. Пыль висела над базой постоянно. Ветер тянул её с гор, и к вечеру зубы хрустели от песка. Мы всё так же ходили на выходы. Караваны. Засады. Проверка троп. Работа вокруг границы не прекращалась ни на день. Только теперь всё делалось осторожнее. Намного осторожнее.

Слишком большой шум подняла Карера. Теперь наверху боялись. Это чувствовалось даже нам, простым бойцам. Стало больше радиосеансов. Больше согласований. Больше фраз вроде:

«Границу не пересекать».

«Провокаций не допускать».

«В случае контакта отходить».

Только горы на все эти приказы плевать хотели. И духи тоже. Они всё так же стреляли, минировали тропы, таскали оружие через перевалы и уходили обратно за кордон, прекрасно понимая, что нам теперь связали руки.

Однажды после выхода Морозов сидел над картой вместе с начальником разведки отряда почти до ночи. Я случайно услышал кусок разговора через открытую дверь штаба.

- Они опять через тот распадок пошли, - тихо говорил Морозов.

- Знаю.

- Мы можем их взять.

- Знаю.

- Тогда почему нельзя?

Долгая пауза.

- Потому что в Москве уже обосрались от прошлого раза, старлей.

Тишина. Потом начальник разведки устало добавил:

- А разгребать будут не в Москве. Разгребать будем мы.

Я тогда тихо ушёл обратно в расположение, стараясь не шуметь. И почему-то именно в тот момент окончательно понял одну простую вещь. На войне недостаточно победить в бою. Нужно ещё, чтобы тебе разрешили считать это победой.

Глава 2

К этой операции готовились почти две недели. Для нашего отряда это было необычно долго. Обычно всё происходило проще: получили данные, поднялись, ушли в горы. А тут чувствовалось, что задачу наверху считают важной. Слишком уж много вокруг неё было суеты.

Разведка сообщала, что в одном из кишлаков провинции Кабул должна пройти крупная джирга. Не обычная сходка местных полевых командиров, а серьёзное совещание. По данным агентуры, туда должны были приехать не только афганские духи, но и какие-то иностранные советники. Кто именно - никто нам не объяснял.

Для операции поднимали почти весь отряд. Одни группы должны были перекрывать тропы и перевалы, другие - блокировать возможные пути отхода. Нашей же группе поставили необычную задачу - работать по захвату пленных.

Это сразу изменило подготовку. Обычно на выход брали всё, что может стрелять быстро и громко. А тут наоборот - начали выдавать приборы для бесшумной стрельбы. Из оружейки притащили ПБСы к автоматам, патроны с уменьшенной скоростью, пистолеты ПБ. Штатные ножи разведчика нам заменили на стреляющие НРС-2, которые позволяли произвести один бесшумный выстрел специальным патроном.

Эти ПБ выдали командирам отделений, Морозов раздобыл себе АПБ. Бесшумный пистолет, созданный на базе Стечкина, весил без малого два килограмма, да и наши ПБ, доработка привычного всем Макарова, добавляли к прочей экипировке целый килограмм веса, не считая запасных патронов. ПБ кстати выглядел непривычно. Тяжёлый, угловатый, с длинной насадкой глушителя. Стрелять из такого мне раньше мне приходилось только в учебке.

К пистолетам выдали стандартные кобуры, которые теперь приходилось таскать на поясе.

- Смотри не потеряй игрушку, - буркнул прапорщик из оружейки, когда я расписывался в ведомости. - За неё потом душу вытрясут.

- Не потеряю.

С пулемётом на этот выход тоже получилось непривычно. ПКМ я передал Шаповалову. Морозов сделал его моим штатным вторым номером. Парень был толковый, уже проверенный в бою, спокойный, без лишней суеты.

Теперь пулемёт нёс он. А я впервые за долгое время шёл на задание с обычным автоматом и ПБ. Сначала даже как-то не по себе было. За последние месяцы я к ПКМу прирос почти намертво. Без привычной тяжести на плече чего-то будто не хватало. Да и запас патронов к автомату не радовал, в одной ленте на двести, которую я обычно заряжал в свой пулемет перед выходом, патронов было больше, чем в шести магазинах к автомату.

Шаповалов это заметил и даже по-своему, постарался меня успокоить.

- Товарищ старший сержант, не переживайте. Не про..бу я ваш пулемёт.

- Если про...ёшь, я тебя сам на ленты пулеметные распушу.

- Понял.

Молодые рядом тихо заржали, а мне вот было не до смеха. Я поймал себя на мысли, что на свой пулемет в чужих руках смотрю с ревностью, как на свою девушку, которую обнимает другой.

Подготовка вообще шла тщательная. Проверяли оружие, подгоняли разгрузки, перематывали изолентой всё, что могло звякнуть. Даже фляги обматывали тряпками. Мне мою разгрузку пришлось отдать на время Шаповалову, а себе достать ту, что отдал мне Равиль перед отлетом.

Морозов гонял всех лично. Без крика почти. Но как обычно после его замечаний люди начинали шевелиться очень быстро.

Особое внимание уделяли связи и сигналам. Сигналы и дымы мы с собой брали в увеличенном объёме. Радиообмен - только в крайнем случае. Основное - жестами. Морозов молодых вечером отдельно гонял возле казармы.

- Руку вот так показываешь - движение.
- Кулак - замерли.
- Два пальца - двойка уходит.

На этот раз никаких вертолётчиков не планировалось вообще. Район операции находился глубоко в горах, а главное - нельзя было шуметь раньше времени. Если духи услышат работу винтов, джирга просто растворится по кишлакам быстрее, чем мы успеем подняться. Поэтому отряд выходил на технику.

Ночью колонна БМП и грузовиков тихо выползла из Асадобада. Без света. Только редкие щели маскировочных фар да красные огоньки габаритов впереди. Мы привычно сидели на броне. Пыль сразу полезла со всех сторон, скрипела на зубках.

Ехали долго. Сначала по более-менее нормальной дороге вдоль реки, потом свернули в сторону гор. Дальше дорога становилась всё хуже. Камни, высохшие русла, узкие серпантинны. Под конец даже БМП ползли медленно. В какой-то момент техника остановилась прямо в узком распадке.

- Приехали, - коротко сказал Морозов.

Дальше только пешком. Кишлак, где должна была пройти джирга, находился глубоко внутри горного массива. Добраться туда можно было только через несколько ущелий и перевалов. Именно на это духи и рассчитывали. Авиацию там использовать тяжело, технику не провести, а пешком чужого человека в горах видно сразу.

Группы начали быстро разгружаться. Проверка оружия. Рации. Вода. Боекомплект. Шаповалов привычным движением закинул ПКМ на плечо. Я поправил автомат и кобуру с ПБ. Ночь была холодная. Внизу, в Асадобаде, уже стояла жара, а здесь из ущелья тянуло сыростью.

Морозов и начальник разведки отряда, который шел с нами, присели возле карты, подсвечивая её красным фонариком.

- Идём вот этим маршрутом. – Капитан Наумов, вел карандашом по бумаге – Заблудится тут как нехер делать. Поэтому артиллерия время от времени будит бить в район цели дымовыми снарядами. Всем следить за дымами. Предвещая ваши вопросы, поясняю. Духи ничего не заподозрят. Уже три недели гаубицы туда время от времени лупят по распоряжению штаба бригады, так что очередной обстрел для них дело привычное. Группу поведу я сам, пойду с головным дозором. - Он поднял глаза. – И ещё. Если кто-нибудь навернётся со склона и нашьумит при подходе к кишлаку - придушу лично.

- Поняли, - тихо ответили сразу несколько голосов.
- Всё. Пошли.

И колонна разведчиков медленно втянулась в тёмное ущелье. Оно оказалось именно таким, как и говорил Наумов. Мерзким.

Сначала вроде идёшь нормально. Камни, осыпь, редкие кусты. Потом ущелье вдруг раздваивается. Потом ещё раз. Потом тропа вообще будто исчезает среди валунов. Через десять минут уже непонятно, откуда пришёл и куда вообще идти дальше.

Даже луна тут толком не помогала. Свет сверху почти не попадал вниз. Склоны сходились так тесно, что местами ущелье превращалось в какую-то каменную щель.

Головной дозор уходил вперёд почти бесшумно. Иногда впереди мелькал красный огонёк фонарика, прикрытого ладонью. Иногда сверху доносился тихий свист - условный сигнал. И всё. Остальные шли молча.

Колонна растянулась сильно. То вверх карабкались, то снова спускались вниз, переходя сухие русла. Камни под ногами были скользкие, осыпь постоянно пыталась уехать вниз вместе с ногами.

Я довольно быстро понял одну неприятную вещь. Если бы меня сейчас оставить тут одного с картой - я бы этот кишлак никогда в жизни не нашёл. Нет, направление я примерно понимал. Но вот все эти распадки, боковые ущелья, седловины... Через полчаса они начали сливаться в одну сплошную каменную кашу.

А офицеры ориентировались уверенно. Наумов вообще шёл так, будто тут вырос. Иногда даже на карту почти не смотрел. Морозов тоже явно понимал, где мы находимся. Останавливался, смотрел по сторонам, сверялся с азимутом и спокойно вёл группу дальше. А я поймал себя на том, что просто иду следом. И меня это вдруг разозлило. Сильно.

Потому что теперь я уже не просто пулемётчик. Я заместитель командира группы. Если с Морозовым что-то случится - группу вести мне. А я, получается, в этих горах без него поте-рюсь как сопливый дошкольник. От этой мысли стало особенно мерзко. Я даже шаг сбил пару раз, пока об этом думал.

Шедший впереди Шаповалов тихо обернулся:

- Нормально всё, товарищ старший сержант?

- Иди вперёд, нормально всё.

Он пожал плечами и полез дальше по склону. А я продолжал злиться уже сам на себя. Раньше всё проще было. Твоя задача - тащить пулемёт, вовремя открыть огонь, прикрыть отход, не пролюбить ленты, не перегреть ствол. Всё понятно. А теперь я всё чаще ловил себя на мысли, что половины работы Морозова просто не замечал раньше.

Как он маршрут выбирает. Как дистанцию между людьми держит. Как постоянно сверяется с местностью. Как слушает эфир. Как заранее думает, где группа будет отходить, если начнётся стрельба. Я ведь раньше на это почти внимания не обращал. И только сейчас начал понимать, сколько всего держит в голове командир группы.

В какой-то момент впереди мелькнула вспышка. Где-то далеко, за очередным перегибом ущелья, артиллерия положила зажигательно-дымовой снаряд. Склон на секунду подсветило вспышкой белого фосфора. Наумов замер на мгновение, а потом махнул рукой:

- Правее уходим.

И вся колонна снова молча начала карабкаться по камням. Я шёл следом и думал только об одном. Мне надо учиться. Причём быстро. Потому что война такая штука - она не спрашивает, готов ты или нет. Если командира убьют или ранят, никто не даст тебе времени собраться с мыслями. Просто в какой-то момент все повернут головы на тебя. И придётся вести людей дальше.

А я пока к этому готов не был. Это понимание било сильнее усталости.

Морозов будто почувствовал что-то. Когда мы в очередной раз остановились на короткий привал, он молча сел рядом со мной на камень. Несколько секунд сидели молча. Потом он негромко спросил:

- О чём загрузился?

Я помедлил немного, потом всё-таки ответил честно:

- Да вот думаю... Если с вами что случится, я группу отсюда хрен выведу.

Морозов хмыкнул:

- Это нормально.

- Чего нормального?

- Того, что ты это понимаешь. Хуже, когда человек думает, будто уже всё умеет.

Он сделал глоток воды из фляги и кивнул куда-то в темноту ущелья.

- Я когда первый раз группу сам повёл, вообще чуть людей не положил. Тоже думал, что самый умный. Потом неделю по горам блуждали, пока выход нашли.

Я даже повернулся к нему:

- Серьёзно?

- Серьёзнее некуда.

Он спокойно хлопнул меня по плечу.

- Научись. Главное - головой работать и смотреть по сторонам. Остальное придёт.

После этого он встал:

- Всё, привал закончили. Пошли дальше, заместитель. Учись пока возможность есть.

И снова ушёл вперёд в темноту.

Шли всю ночь. Иногда казалось, что это ущелье вообще никогда не закончится. Склоны то расходились, открывая узкие каменные площадки, то снова сжимались так, что приходилось идти боком, цепляясь руками за холодный камень. Несколько раз переходили высохшие русла, где под ногами противно хрустела мелкая галька. Потом опять лезли вверх.

Усталость накапливалась медленно, незаметно. Сначала просто тяжелеют ноги. Потом начинаешь чаще поправлять автомат. Потом ловишь себя на том, что уже не смотришь по сторонам, а тупо уставился в спину впереди идущего.

Наумов темп не сбавлял и больше привалов не было. Только ближе к утру он остановил колонну. Люди молча осели прямо, где стояли. Кто-то прислонился к валунам, кто-то просто сел на корточки. Шаповалов аккуратно поставил ПКМ на сошки и тихо выдохнул:

- Ну и жопа...

- Это ещё нормально, - буркнул Чернов. - Видал я и хуже.

- Конечно видал. Ты ж старый уже.

- Пасть закрой, пока я тебе её прикладом не закрыл.

Разговоры быстро стихли. Шуметь никто не хотел. Небо к этому времени уже начало сереть. Не рассвет ещё, но та самая мерзкая предутренняя полутьма, когда ночь вроде заканчивается, а легче не становится. Именно тогда впереди прошёл сигнал остановиться. Наумов вернулся от головного дозора и тихо сказал:

- Пришли.

Сначала я вообще ничего не понял. Вокруг были всё те же камни и склоны. А потом заметил дувалы, разбросанные по распадку, и почти не заметные на фоне окружающих их гор.

Кишлак оказался полностью заброшенным. Несколько полуразвалившихся глинобитных домов лепились к склону, будто их сюда просто ветром прибило. Крыши местами провалились. Где-то торчали почерневшие балки. Один дувал вообще осел почти до половины.

Следов жизни не видно. Ни дыма. Ни скота. Ни собак. И это как раз напрягало. В Афганистане пустой кишлак - штука подозрительная. Особенно в горах. Наумов долго осматривал всё в бинокль, потом махнул рукой:

- Работаем.

Головной дозор сразу втянулся внутрь. Пошли медленно, аккуратно. Осматривали проходы, заглядывали за стены, проверяли дворы. Сапёры сразу начали смотреть подходы к кишлаку и тропы.

Мы с Морозовым зашли в один из крайних дувалов. Внутри пусто. Пол земляной. В углу остатки очага. На стенах копоть. Воняло старой пылью, глиной и каким-то затхлым тряпьем. Похоже, тут давно никто не жил.

- Здесь дневку сделаем, - тихо сказал Морозов. - Крайний дом, удобно отходить если что.

Я кивнул. Место действительно было нормальное. Дувал стоял чуть в стороне от остальных построек, почти у самого склона. Рядом узкая щель между камнями, через которую можно быстро уйти вниз.

Группа начала устраиваться быстро и без суеты. Морозов распределил дежурство. Шаповалов аккуратно положил ПКМ возле стены и сразу полез проверять сектор через пролом в дувале. Молодые растягивали плащ-палатки, чтобы снаружи не было видно движения. Фляги сразу убрали под стены, чтобы солнце не нагревало воду. Кто-то уже тихо жевал сухпай. Кто-то снимал обувь и растирал ноги. А я поймал себя на мысли, что впервые за всю ночь можно нормально остановиться и оглядеться.

Кишлак выглядел совсем мёртвым. Тишина стояла такая, что слышно было, как где-то наверху сыпется мелкий камень от порывов ветра. Я присел возле пролома в стене и вдруг понял, что глаза сами закрываются. Организм начинал выключаться. Но спать пока было нельзя. Я теперь вместо Быкова, а значить на мне контроль за бойцами. И если старики уже всё сами знали, то молодых нужно было контролировать. Проверить как встали наблюдатели. Потом охранение. Потом проверка секторов. И только после этого можно будет по очереди с Морозовым ненадолго вырубиться прямо на земле, под стеной, обняв автомат.

Морозов в это время сидел над картой вместе с Наумовым. Оба говорили тихо, почти шёпотом.

Я слышал только обрывки:

- ...тропа вот здесь...
- ...если пойдут через сады...
- ...отход на северный распадок...

И снова поймал себя на мысли, что слушаю уже совсем по-другому. Не как боец. Как человек, который пытается понять, как вообще всем этим управлять.

Я поднялся и пошёл проверять посты. Дувал, где мы устроились, был неудобный для долгой стоянки, но для дневки подходил. Снаружи он казался таким же дохлым, как остальные развалины. Но внутри можно было рассовать людей по углам, оставить наблюдателей у проломов и не отсвечивать лишний раз.

Первым сидел Чернов. Устроился правильно, в тени, автомат положил рядом, бинокль держал низко, чтобы линзы не блеснули. Хоть он и рядовой боец, но на боевые ходил ещё тогда, когда я в учебке только казарму драил. Ветеран, который знает побольше меня. К нему у меня вопросов никаких не было, но я всё равно для порядка спросил.

- Сектор?

Он молча показал рукой: тропа снизу, осыпь справа, край кишлака.

- Нормально.

Чернов кивнул. Он, как и все, кто давно воевал в нашей группе, на дополнительный контроль со стороны командиров не обижался. Всякое в горах может случиться, и даже опытный боец может свалиться от усталости или сделать какую ни будь глупость.

Дальше был молодой, фамилию которого я ещё иногда путал. То ли Кравцов, то ли Кривцов. Для парня это был первый выход. Он устроился хуже. Сидел слишком близко к пролому, плечо почти на свету. Я присел рядом и тихо дёрнул его за разгрузку назад.

- Жить надоело?

Он испуганно обернулся.

- Никак нет.

- Тогда чего светишься? Вон туда сместись. Видишь камень? За ним сиди. И бинокль руками прикрывай.

- Понял.

- Понял он... Так точно нужно отвечать!

Он торопливо переполз в тень.

Шаповалов сидел с ПКМ у пролома в боковой стене. Уложился грамотно. Ствол не торчал наружу, короб под рукой, запасная лента рядом. Вид у него был спокойный, даже сонный, но глаза работали.

- Как мой пулемёт? - тихо спросил я.

- Наш пулемёт, товарищ старший сержант.

- Не наглей.

- Есть не наглеть.

Я хотел было идти дальше, но остановился. Уже нормально рассвело. Солнце ещё не поднялось высоко, но серый свет разлился по распадку, и кишлак стал виден лучше. Вот тогда я и заметил один из дувалов.

Он стоял на противоположном конце кишлака, чуть выше остальных, почти у выхода к узкой тропе. Вроде обычная глинобитная коробка. Но чем дольше я смотрел, тем больше он мне не нравился.

Остальные дома были мёртвые. Проваленные крыши, осыпавшиеся стены, пустые дворы. А этот был ещё крепкий. Перед ним ограда была дополнительно выложена камнем. Камни лежали плотно, в два ряда, будто кто-то недавно усиливал стену. У входа тоже что-то было навалено - то ли мешки, то ли камни, прикрытые тряпьем. И над крышей поднимался тонкий, почти незаметный дымок.

Я сначала подумал, что показалось. Потёр глаза, снова посмотрел. Нет. Дым. Лёгкий, серый, почти растворяющийся в утреннем воздухе.

- Шаповалов, бинокль.

Он без слов протянул мне бинокль. Я лёг пониже, упёр локти в землю и стал смотреть.

Точно дым. Изнутри. Значит, там был очаг. Значит, там кто-то есть. Минуту ничего не происходило. Потом возле стены мелькнула тень. Человек. Он прошёл быстро, пригнувшись, от одного угла к другому. На плече автомат. Одежда тёмная, не местный пастух. Через несколько секунд показался второй. Этот остановился у входа, огляделся и сразу исчез за оградой. Духи.

Я почувствовал, как усталость слетела сразу. Будто кто-то холодной водой в лицо плеснул.

- Смотри туда, - тихо сказал я Шаповалову и передал бинокль. - Крайний дувал. Над ним дым.

Он посмотрел несколько секунд и едва заметно кивнул.

- Есть движение.

- Сколько?

- Двоих вижу. Может больше.

Я не стал больше ждать. Пригнувшись, быстро прошёл к Морозову и Наумову. Они всё ещё сидели над картой.

- Товарищ старший лейтенант. Товарищ капитан.

Оба сразу подняли головы.

- Что?

- На противоположном конце кишлака крайний дувал. Не похож на остальные. Стены усилены камнем. Над ним дым. Видел двух вооружённых людей.

Морозов даже не переспросил. Сразу потянулся за биноклем. Наумов убрал карту и тихо выругался:

- Вот тебе и заброшенный кишлак.

Мы втроём переползли к пролому. Морозов долго смотрел, почти не двигаясь. Потом передал бинокль Наумову.

- Есть, - сказал он тихо. - Живут там.

Наумов посмотрел ещё дольше.

- Не просто живут. Смотри вход. Это не двор крестьянина. Это позиция.

Я снова взял бинокль. Теперь, когда знаешь куда смотреть, детали лезли сами. Каменная кладка перед входом. Узкая щель в стене, похожая не на трещину, а на бойницу. У тропы лежали два больших плоских камня так, что за ними можно было сидеть и наблюдать подход снизу.

Морозов тихо сказал:

- Это их передовой пост.

- Или охрана места сбора. - ответил Наумов.

От этих слов внутри неприятно сжалось. Если это охрана - значит, главная цель где-то рядом. И значит, мы пришли.

Глава 3

Минут пять мы просто наблюдали. Никто не шевелился лишней раз. Духи у дальнего дувала тоже особо не суетились. Один раз возле ограды мелькнула рука с чайником. Потом кто-то прошёл вдоль стены и снова исчез внутри. Наумов смотрел в бинокль долго, почти не моргая.

- Хреново, - наконец сказал он.

- Что именно? - спросил Морозов.

- То, что мы зашли в кишлак с духами, и сразу их не заметили.

Ответить на это было нечего. Я уже хотел отползти назад, как Чернов вдруг тихо цыкнул зубами и показал рукой вниз, к тропке между дувалами.

Из дальнего двора вышел дух. Один. С автоматом на плече, нож на поясе, халат нараспашку, на голове паколь. Шёл лениво, сонно, одной рукой придерживая штаны. Сначала я не понял, куда он направляется. Потом дошло. Ему приспичило. И приспичило, судя по всему, именно к нашей стороне кишлака.

Он шёл не прямо к нам, а чуть в обход, вдоль осыпавшейся стены, выбирая место подальше от своего двора. Обычное человеческое дело. Только в тот момент это обычное дело могло нам всю операцию похоронить. Морозов медленно поднял руку, показывая всем замереть.

Дух остановился шагах в тридцати от нашего дувала, огляделся, потом полез выше, на камни, почти к самой стене, за которой сидел Кравцов. Тот побледнел так, что даже в тени было видно. Если дух поднимется ещё на пару метров, он увидит пролом. А через пролом - нас.

Я посмотрел на Морозова. Он едва заметно качнул головой: братъ. Я даже не успел испугаться. Просто стало пусто внутри. ПБ уже был у меня в руке. Я сунул автомат Шаповалову, подтянулся к пролому и тихо выбрался наружу.

Земля под ладонями была сухая, холодная, с мелкими камешками. Каждый камень казался миной, каждый шорох - выстрелом. Дух уже присел за обломком стены, спиной к нам.

Я поднялся на крышу которая нависала над ним почти без звука. Крыша была глинобитная, местами проваленная, но держала. Сделал два шага, потом ещё один. Сверху его было видно хорошо. Плечи, затылок, паколь. Он что-то тихо буркнул себе под нос, встал, и не торопясь принялся одеваться.

Я лег на край, навис над ним и аккуратно, без размаха, стукнул стволом ПБ ему по голове, а другой рукой сдернул автомат с его плеча. Дух дёрнулся, обернулся, и уставился в дуло пистолета. Глаза у него стали круглыми, потом он посмотрел на меня. Рукой, в которой у меня был зажат ремень трофейного АК, я погрозил ему пальцем. Мол не шуми, а то приблю. Дух меня понял правильно.

Снизу почти сразу выскользнул Чернов. Вдвоём мы скрутили пленного за несколько секунд. Руки назад. Кляп в рот. Дух не дёргался.

Шаповалов выглянул из пролома и показал большой палец. Из дувала занятого противником нас не заметили, засранец не зря выбрал самое укромное место, чтобы ему никто не помешал заниматься своими грязными делами. Я тихо выдохнул. Только тут до меня дошло, что сердце колотится так, будто его сейчас рёбра выбьют.

Пленного втянули внутрь дувала через пролом. Кравцов сидел с такими глазами, будто это его самого только что по голове приложили.

- Сектор смотри, - прошипел я ему. - Не на меня.

Он резко отвернулся к щели. Наумов сразу присел перед пленным. Достал нож, подцепил им кляп. Дух дернулся назад, ударившись головой о стену.

- Тихо, - сказал капитан на местном. - Крикнешь - умрёшь.

Дух замер, потом кивнул. Я языка не понимал, но смысл был ясен и без перевода. По голосу Наумова любой бы понял. Он говорил спокойно, негромко. Задавал короткие вопросы. Пленный сначала мотал головой, потом получил от Морозова несильный, но понятный тычок под ребро стволом автомата и сразу стал створчивее.

Минут через пять Наумов повернулся к Морозову. Лицо у него стало совсем нехорошее.

- Попали мы, старлей.

- Что сказал?

- Это не передовой пост. Это сам кишлак, где джирга проходит.

В дувале стало тихо. Даже те, кто вроде спал у стены, приподняли головы. Наумов кивнул в сторону дальнего дома:

- Там собрание. Прямо сейчас. Пятнадцать полевых командиров внутри.

Я невольно посмотрел на Морозова. Тот молчал.

- И это ещё не всё, - продолжил Наумов. - У каждого своя группа прикрытия. Не меньше тридцати человек.

Шаповалов тихо, почти беззвучно, выругался. Я быстро посчитал в голове и мне стало совсем невесело. Пятнадцать на тридцать. Четыреста пятьдесят стволов. Пусть не все рядом. Пусть часть в охране, часть спит, часть разбросана по тропам и окружающим кишлак высотам. Но всё равно это была не охрана дувала. Это был маленький батальон, сидящий почти у нас под носом.

Морозов наконец спросил:

- А мы как сюда прошли, что они нас не заметили?

Наумов перевёл вопрос пленному. Тот быстро заговорил, часто сглатывая.

Наумов слушал, хмурясь всё сильнее.

- Он говорит, тропа, по которой мы пришли, заминирована. Они её не используют. Считают закрытой. Там должны быть мины на подходах.

Я почувствовал, как у меня по спине прошёл холод. Мы всю ночь шли по заминированной тропе. И просто прошли её полностью. То ли мины стояли не везде. То ли нам просто повезло...

- Поэтому нас и не ждали с этой стороны, - тихо сказал Морозов.

- Именно, - ответил Наумов. - Мы вошли через их мёртвую зону.

Пленный вдруг что-то быстро сказал. Наумов повернулся к нему:

- Повтори.

Тот повторил, уже тише. Наумов посмотрел на нас:

- Просит его не убивать. Говорит, что он важный человек, сын одного из командиров. Говорит, что отец заплатит за него любой выкуп. Отец кстати внутри.

Морозов посмотрел на пленного уже иначе. С интересом.

- Значит, язык ценный.

- Очень, - кивнул Наумов. - И если они поймут, что он пропал, начнут искать сразу.

Мы все замолчали. Снаружи кишлак всё так же казался мёртвым. Только теперь эта тишина была совсем другой. Теперь мы знали, что в соседних дувалах, за стенами, за поворотом тропы, сидят сотни вооружённых духов. И мы сидим среди них. В одном из крайних домов. С пленным сыном полевого командира.

Морозов медленно провёл ладонью по лицу и тихо сказал:

- Ну что, товарищи разведчики. Дневка у нас отменяется.

В дувале повисла тяжёлая тишина. Все смотрели на Морозова и Наумова. Даже молодые уже поняли, что происходит что-то совсем серьёзное. Такие лица у офицеров просто так не бывают. Наумов первым нарушил молчание:

- Если они начнут искать этого козла - нас найдут минут за десять.

Пленный сразу закивал, будто подтверждая.

- Сколько у нас времени? - тихо спросил Морозов.

Наумов перевёл вопрос. Дух быстро ответил.

- Говорит, его должны были уже хватиться. Он охране чай носил. Потом у него живот прихватило, он пошёл делать свои дела и пропал.

Морозов сидел молча, глядя в землю. Я уже знал это его состояние. Когда он вот так замирает - значит, голова работает на полную. Потом он поднял глаза на Наумова:

- До дувала метров семьдесят. Может меньше. Один основной вход. Сзади узкий проход между стенами. У него крыша связана с соседними развалинами, наверное, раньше ослятник там был или что-то типа этого...

Морозов задумчиво посмотрел на пленного. Долго смотрел, очень внимательно. И вдруг спокойно сказал:

- А давай их по-тихому захватим.

Наумов даже голову повернул:

- Кого?

- Всех, кто внутри.

В дувале стало совсем тихо. Я сначала подумал, что ослышался. Наумов смотрел на Морозова несколько секунд:

- Старлей, ты сейчас серьёзно?

- Абсолютно.

Он подвинул карту ближе, перевернул её и начал быстро рисовать карандашом схему кишлака.

- Смотри. О нас пока никто не знает. Это главное. Мы сидим внутри кишлака. Практически рядом с джиргой. Если сейчас тихо зайти в дувал и взять главарей - всё остальное уже неважно. Вот тут можно пройти - Морозов вел каратном по схеме - И через ослятник.

- Там охрана кругом, - сказал Наумов.

- Поэтому сделаем всё тихо.

Морозов ткнул карандашом в пленного:

- Вот наш пропуск.

Тот, видимо, понял по интонации, что разговор идёт о нём, и заметно побледнел.

- Используем его. Ему они ворота откроют без проблем, а мы за ним внутрь войдем. Снимаем охрану. Врываемся внутрь. Пока остальные сообразят, что происходит - главари уже будут у нас.

- А потом? - спросил я.

Морозов посмотрел на меня:

- А потом вызываем отряд.

Наумов уже тоже начал соображать быстрее.

- Группы прикрытия должны быть рядом. Если поднять всех по рации, они смогут связать охрану боем.

- Именно, - кивнул Морозов. - Нам главное продержаться первые минуты и вытащить языков из кишлака.

Чернов тихо присвистнул:

- Дерзко...

- Другого шанса не будет, - ответил Морозов.

И это было правдой. Если мы сейчас просто уйдём и вызовем остальные группы, джирга растворится по горам быстрее, чем сюда подойдут основные силы. Эти люди не дураки. У них дозоры, охрана, наблюдатели на тропах. Один выстрел - и всё.

Наумов некоторое время молчал. Потом медленно кивнул:

- В принципе... может сработать.

Он повернулся к пленному и быстро начал задавать вопросы. Тот отвечал уже без запинки. Пот с него тек ручьём. Через пару минут Наумов начал пересказывать:

- Внутри большой двор. Главари сидят в дальней комнате. Охрана во дворе. У основного входа четверо. Ещё двое у задней калитки. В доме ещё отдыхает смена, тоже шесть человек.

- Американцы есть? - спросил Морозов.

Наумов перевёл. Пленный замотал головой:

- Иностранцы ещё не приехали. Ждут к вечеру.

Морозов тихо выругался. Но тут же снова вернулся к делу:

- Ладно. И так пойдёт.

Он быстро начал распределять людей.

- Исаев, Джалдыгулов - задняя калитка, идете через ослятник. Зайдете через крышу. Начинаете, как только услышите, что мы вошли. Валите охрану и пасете задний вход пока мы не закончим. Я, капитан, Серёгин, Чернов и Оздоев – основной вход. Остальные остаются тут и прикрывают нас. Бойко старший группы прикрытия. По моему сигналу, сразу вызывать основной отряд.

- А если начнётся стрельба? - спросил кто-то.

Морозов пожал плечами:

- Значит начнётся.

Без пафоса сказал. Просто как факт. Потом он посмотрел на группу захвата:

- Работаем тихо и быстро. Потом сразу отход.

Я кивнул. И только сейчас почувствовал, как пересохло во рту. Потому что одно дело - сидеть в засаде или прикрывать отход группы. А другое - сейчас лезть в дувал, где сидят пятнадцать полевых командиров с охраной и вокруг несколько сотен духов. Причём лезть почти без подготовки.

Пленный вдруг снова быстро заговорил. Очень быстро. Наумов слушал его секунд десять, потом усмехнулся:

- Говорит, если мы его отпустим, он сделает вид, будто ничего не видел.

- Поздно уже, - спокойно сказал Морозов.

Потом встал проверил автомат, вытащил из кобуры АПБ. Щелчок предохранителя в тишине дувала прозвучал неожиданно громко.

- Всё. Работаем.

Дальше всё закрутилось очень быстро. Морозов заставил пленного подняться на ноги и что-то коротко сказал ему через Наумова. Тот закивал так часто, будто шея сейчас оторвется.

- Скажи ему, - тихо произнёс Морозов, развязывая духу руки, - если дёрнется или попытается предупредить своих - умрёт первым. И отец его тоже.

Наумов перевёл спокойно, без эмоций. Пленный побледнел ещё сильнее. Я разрядил его автомат, и повесил его ему на плечо. Дух никак не отреагировал, он вообще находился в каком-то ступоре.

Потом началась последняя проверка. ПБ. Магазины. Ножи. Даже ремни ещё раз подтянули, чтобы ничего не брякнуло при рывке. Группа разделилась. Исаев с Джалдыгуловым ушли через развалины к ослятнику. Исчезли почти сразу. Только камешек где-то тихо скатился вниз. Мы остались у пролома.

Я чувствовал, как сердце долбит уже где-то в горле. Страх не было, в крови бурлил адреналин. Морозов махнул рукой:

- Пошли.

Пленный двинулся первым. Мы сразу за ним. Снаружи кишлак выглядел всё таким же сонным и мёртвым. Только теперь я знал, что где-то неподалёку сидят сотни вооружённых людей.

До нужного дувала было совсем недалеко. Пленный шел не скрываясь, а мы жались к развалинам домов и покосившихся заборов, переходя от укрытия к укрытию, чтобы не показываться на виду у охраны. Дух пару раз оглядывался. Каждый раз упирался глазами в ствол АПБ у Морозова и сразу отворачивался.

У ворот действительно сидела охрана. Четверо, как и говорил пленный. Двое у входа с автоматами на коленях. Один пил чай. Четвёртый вообще полулежал у стены, спрятавшись от утреннего солнца в тени.

Когда они увидели пленного, никто даже не напрягся. Один что-то лениво спросил. Пленный ответил. Охранник хмыкнул и поднялся открыть калитку. Вот в этот момент всё и началось.

Морозов рванул вперёд первым. АПБ в его руках дёрнулся почти без звука. Только короткое злое: «пфут». Пуля ударила охранника прямо в лицо. Одновременно с ним выстрелил Наумов. Второй дух даже не успел понять, что происходит.

Я вскинул ПБ почти автоматически. Человек у стены ещё держал в руках чашку с чаем и только начинал поворачивать голову в нашу сторону. Я видел его лицо. Чёрную бороду. Сонные глаза. Заметил, как он удивился. И нажал на спуск.

Пистолет мягко толкнул руку. Пуля попала в голову. Дух дёрнулся и медленно осел на бок вместе с чашкой. Чай выплеснулся ему на халат.

На секунду меня будто заклинило. Слишком близко. Не как в горах, когда стреляешь куда-то по камням или по вспышкам среди скал. Не как из пулемёта по далёким фигурам. Тут между нами было метра три. Я видел, как у него дернулась голова от попадания. Как брызнула кровь. Как он пытался вдохнуть. Как его глаза вдруг стали пустыми. И в этот момент внутри словно что-то неприятно перевернулось. Но думать времени не было.

Последнего Чернов взял ножом. Тот только хрипнул, когда Чернов влетел в него всем телом и утянул вниз за стену. Всё. Четыре трупа. Оздоев снова связывал пленного, который нам помог. Секунд пять прошло, не больше.

И почти без шума.

- Внутрь! - прошипел Морозов.

Оздоев остался снаружи, прикрывать, а мы четвером ворвались в дувал. Там тоже сначала никто ничего не понял. В первой же комнате у входа один дух умывался возле бочки. Второй сидел у стены и чистил автомат. Ещё несколько спали на кошке.

АПБ Морозова снова тихо закашлял. Наумов работал из ПБ быстро, почти без пауз. Я выстрелил два раза подряд.

Первый дух так и не проснулся. Второй начал подниматься, глядя на меня совершенно ошалевшими глазами. Он даже автомат не успел схватить. Только рот открыл. Я выстрелил ему почти в упор. И опять слишком близко. Я отчётливо увидел, как пуля ударила его в грудь. Как человека буквально сложило пополам. В нос ударил запах пороха и крови. Где-то внутри мелькнула совершенно дурацкая мысль: «Да я ему в глаза смотрел секунду назад...». И тут же исчезла. Потому что времени на такие мысли не было.

Со стороны ослятника, раздались ещё несколько приглушённых хлопков. Исаев с Джалдыгуловым начали работать по охране за дувалом.

Всё происходило настолько быстро, что мозг не успевал нормально воспринимать. Только движение. Тени. Короткие хлопки пистолетов. Я поймал себя на том, что пальцы сами перезаряжают ПБ, меня полупустой магазин на полный, а голова будто работает отдельно от тела. Странное ощущение. Будто всё это происходит не с тобой.

- Комната! - рывкнул Морозов.

Мы влетели внутрь. И вот там начался настоящий бардак. Полевые командиры сидели на коврах вдоль стен. Карты, чайники, оружие у стен. Никто из них не ожидал увидеть в дверях советский спецназ. Первые мгновения они вообще просто смотрели на нас. Когда осозна-

ние происходящего к ним наконец пришло они попытались действовать. Один начал вставать. Другой потянулся к автомату. Третий что-то заорал.

Морозов ударил ближайшего рукоятью пистолета в лицо и одновременно рывкнул:

- Лежать суки! Руки!

Наумов тут же начал дублировать на дари. Чернов уже пинком отбрасывал оружие от стены. Я держал сектор у входа и ждал, что сейчас кто-нибудь всё-таки схватится за автомат. И почему-то именно в этот момент до меня окончательно дошло, что всё это не тренировка и не кино. Мы сейчас в центре кишлака, полного духов. В комнате с пятнадцатью главарями. И позади нас лежат люди, которых мы только что убили почти в упор. Одного я вообще застрелил с расстояния вытянутой руки. Эта мысль ударила неожиданно сильно. Но снова - не вовремя. Потому что один из духов всё-таки дёрнулся к оружию.

Наумов выстрелил ему в грудь раньше, чем тот успел схватить автомат. Остальные сразу попадали на пол. Кто-то начал причитать. Кто-то пытался закрыть голову руками. Кто-то вообще лежал белый как мел и смотрел на нас выпученными глазами.

Морозов быстро оглядел комнату:

- Всех вязать!

Мы начали валить их лицом вниз прямо на ковры. Ремни. Платки. Верёвки. В ход пошло всё подряд.

Один из духов вдруг заорал что-то бешеное на весь дувал. Чернов с размаху дал ему прикладом по затылку:

- Пасть закрой, сука.

Тот сразу заткнулся. Снаружи пока было тихо. Сопровождающие полевых командиров ещё не поняли, что у них прямо под носом сейчас захватили всю верхушку джирги.

Глава 4

Морозов закончил вязать последнего пленного и сразу поднял голову:

- Всё. Уходим.

Никто спорить не стал. Все понимали - сидеть здесь дальше самоубийство. Слишком много людей вокруг. Рано или поздно кто-нибудь зайдёт в дувал, увидит трупы охраны или просто начнёт искать пропавшего сынка полевого командира. Тогда тут всё взорвётся.

Пленных быстро подняли на ноги. Картина получилась дикая. Пятнадцать бородатых мужиков в дорогих халатах и жилетках, ещё минуту назад спокойно сидевших на джирге, теперь стояли связанные под дулами советских автоматов.

Чернов тем временем уже собирал оружие. Китайские автоматы, пистолеты, даже пара коротких «буров» валялась возле ковров.

- Всё не утащим, - буркнул он.

- И не надо, - ответил Морозов. - Только документы и карты.

Наумов уже грузил трофеи. Карты, записи, какие-то бумаги, блокноты - всё летело в вещмешок. Я стоял у входа и слушал кишлак. Пока тихо.

- Серый, - бросил Морозов. - Выводим.

Мы начали вытаскивать пленных во двор. Вот тут стало особенно тяжело. Потому что тащить пленных пришлось быстро, а многие из них уже начали понимать, что происходит. Один упирался ногами, второй пытался что-то орать через кляп, третий вообще рухнул на колени, отказываясь идти. Чернов просто двинул его прикладом и передернул затвор автомата прямо над ухом:

- Встал, мразь, или я тебя прямо тут прикончу.

Тот сразу перестал изображать из себя героя и поднялся. Со стороны ослятника появились Исаев с Джалдыгуловым.

- Задний вход чистый, - тихо сказал Али. - Пока никого.

Морозов кивнул:

- Тогда пошли.

Колонна двинулась обратно через кишлак. Впереди Чернов и Наумов. Потом пленные, которых конвоировали Али, Рома и Муса, мы с Морозовым замыкали.

Я шёл и всё время ждал первого крика. Первого выстрела. Что сейчас из-за любого дувала выскочат духи и всё полетит к чертям. Но нам пока везло.

Мы уже почти дошли до нашего дувала, когда где-то справа вдруг раздался удивлённый возглас. На дари естественно, но нам всё было понятно и без перевода. Кто-то всё-таки заметил неладное. Морозов даже не обернулся:

- Быстрее.

Мы буквально втокнули пленных внутрь нашего развалившегося дувала. Бойко уже ждал у рации.

- Связь готова.

- Давай, - коротко бросил Наумов.

Радист сразу склонился над станцией. Рация тихо зашипела.

- «Гранит», я «Волна». Приём.

Помехи. Пауза. Потом в динамике хрипнуло:

- «Волна», я «Гранит». Слышу плохо.

Наумов буквально вырвал тангенту:

- «Гранит», джирга подтверждена. Повторяю. Джирга подтверждена. Цель захвачена. У нас пятнадцать языков. Срочно начинайте блокирование кишлака. Противника до четырёх-сот-пятисот человек.

Из рации несколько секунд шёл только треск. Потом голос ответил уже совсем другим тоном:

- «Волна», подтвердите. Сколько языков?

Наумов зло выдохнул:

- Пятнадцать. Повторяю - пятнадцать полевых командиров. Мы внутри кишлака. Нас пока не раскрыли полностью, но это вопрос минут.

Рация снова зашипела. Потом:

- Вас понял. Группы выдвигаются. Держитесь.

И почти сразу снаружи донёсся ещё один крик. Не рядом. Где-то в глубине кишлака. Потом второй. А потом короткая автоматная очередь. Морозов медленно поднялся с колен возле стены и посмотрел на нас:

- Ну всё. Началось.

И в этот момент где-то наверху, на склоне, глухо ударил первый пулемёт.

- На выход! - сразу сказал Морозов.

Пленных снова подняли. Теперь уже никто с ними не церемонился. Кто не хотел идти сам, того тащили за ворот или толкали стволом в спину.

Снаружи разгорался бой. Сначала били одиночные очереди где-то на верхних склонах. Потом ответили сразу с двух сторон. Через минуту над кишлаком уже стоял плотный треск автоматов, глухое бухание пулемётов и короткие разрывы гранат подствольных гранатометов. Группы прикрытия вступили в контакт.

Они, видно, подтягивались постепенно, с разных сторон. Где-то справа работал ПКМ, слева отвечали автоматы, потом ниже по распадку ударил ещё один пулемёт. Наши пытались сковать духов боем, не дать им сразу броситься к кишлаку и перекрыть нам выход.

Но по звуку было понятно: духов больше. Гораздо больше. Бой растягивался по ущелью, трещал на склонах, перекачивался к тропам, опять уходил в вверх. Духи очухались быстро. Кишлак, который ещё недавно казался мёртвым, вдруг ожил весь сразу.

- Богдан! - рявкнул Морозов.

Сапёр уже сидел у пролома, вытаскивая из чехла шуп и короткий сапёрный нож. Лицо у него было недовольное, но спокойное.

- Впереди пойдёшь. Проверяешь тропу. Быстро, но без дурасти.

- Понял.

- Пленные за ним. Конвой - вплотную. Остальные растянуться. Шаповалов!

- Я!

- Пулемёт Серому.

Шаповалов даже спорить не стал. Снял ПКМ с плеча, скинул с себя разгрузку с лентами и протянул мне.

- Держите, товарищ старший сержант.

Я передал ему автомат, «лифчик» Равиля, взял пулемет и только тут почувствовал, как будто на место вернулась какая-то часть меня самого. Внутри стало как-то спокойнее. Привычная тяжесть легла на руки. Знакомый ремень, короб, холодный металл ствольной коробки. Будто не оружие взял, а часть себя обратно.

- Сам с автоматом пойдёшь возле пленных, - сказал я Шаповалову.

- Есть.

Колонна двинулась к той самой тропе, по которой мы пришли ночью. Теперь я знал, что она заминирована. И что мы по ней уже один раз прошли только потому, что нам повезло. Впереди шёл Богдан. Медленно. Низко пригнувшись. Иногда он замирал, приседал, трогал землю

ножом, осторожно убирал камешек или сухую ветку. За ним, связанные, семенили пленные. Их подгоняли Али, Муса и Рома.

Пленные сразу перестали быть важными людьми. Теперь это был груз. Живой, дорогой, опасный груз, который мог упасть, попытаться сбежать или просто упереться и встать поперёк тропы от страха или из-за упрямства.

Морозов шёл ближе к середине. Наумов держался рядом с радистом, время от времени принимая короткие доклады.

- «Волна», справа духи лезут вверх. Держим.

- «Волна», я «Третий». Вошли в контакт. Их много.

- «Волна», отходите быстрее, долго не удержим.

Наумов отвечал коротко:

- Держите. Мы выходим.

Я шёл последним. С пулемётом. Как раньше. Через несколько минут сверху кто-то заметил наше движение. Раздался крик, потом ещё один. Ударил автоматная очередь.

Я лёг у камня, поставил на сошки ПКМ и направил ствол туда, откуда стреляли. Пулемёт заговорил привычно, тяжело, уверенно. Камни на склоне возле кишлака, откуда начиналась тропа, брызнули пылью. Крик оборвался.

- Двигайте! - крикнул я вперёд. - Не стойте!

Колонна поползла дальше. Но тут же снова встала. Богдан впереди опустил на колено.

- Мина, - тихо сказал он.

И все сразу замерли. Даже бой вокруг будто на секунду стал дальше.

Сапер лег грудью на землю и очень аккуратно разгребал пыль перед собой. Потом показал два пальца и провёл рукой в сторону. Обход. Пленных начали по одному переводить через камни. Медленно. Слишком медленно. А сзади уже били чаще.

Я снова дал очередь. Потом ещё одну. Не столько по цели, сколько чтобы прижать. Чтобы те, кто полезут за нами, лишний раз ткнулись мордой в камни.

Где-то слева ударил пулемёт. Почти сразу ему ответил ДШК или что-то похожее. Тяжёлые пули прошли над распадком с таким грохотом, что казалось воздух будто порвали.

- Быстрее там! - рявкнул Морозов.

- Хотите быстрее товарищ старший лейтенант, идите впереди сами или давайте пленных перед собой погоним. - огрызнулся Богдан, не поднимая головы.

Морозов ничего не ответил, потому что сапер был прав. Когда идешь по минному полю, торопится можно только в одном случае – если побыстрее хочешь на тот свет. Каждый метр тут мог оказаться последним.

Пленные это тоже поняли. Сын полевого командира начал что-то мычать через кляп, мотая головой. Муса ударил его стволом между лопаток:

- Иди, падла. Сам мины ставил - сам теперь по ним и топай.

Наумов остановился возле молодого духа, потом вдруг вытащил у него изо рта кляп. Пленный что-то быстро заговорил на дари. Капитан его внимательно выслушал.

- Он говорит, что дальше ещё растяжка у сухого куста.

Богдан услышал и показал рукой:

- Похоже он знает схему минирования. Пусть первый идет и показывает.

Пленного сына командира вытолкнули вперёд. Он почти падал от страха, но, когда Наумов что-то сказал ему на местном, сразу закивал и начал показывать подбородком на тропу.

Вот так и пошли. Впереди пленный, рядом Богдан. За ними остальные языки. Потом группа. А я последним. С пулемётом, лицом к кишлаку, отступая шаг за шагом. Под звуки набирающего интенсивность тяжёлого боя.

Наумов слушал рацию на ходу. Лицо у него было серое от пыли и усталости.

- «Волна», - хрипело в динамике. - Противник лезет со всех сторон. Пока держим. Ускорьтесь.

Капитан ответил:

- Идём по заминированной тропе. Быстрее не можем.

В эфире на секунду повисла пауза. Потом кто-то тихо сказал:

- Понял. Держим.

Больше ничего. Ни обещаний. Ни красивых слов. Просто держим. И этого было достаточно. Наумов опустил тангенту и несколько секунд шёл рядом с радистом молча. Из радиации снова прорвался треск.

- «Волна»... нас прижимают... духов много...

Где-то на заднем плане бил пулемёт, слышались взрывы. Потом связь оборвалась. Морозов остановился и посмотрел назад, в сторону боя. Стрельба теперь шла почти без пауз. Работало сразу несколько пулемётов, иногда бухали гранатомёты. По звуку было понятно - группы прикрытия втянулись в тяжёлый бой и сейчас держатся только для того, чтобы дать нам уйти.

- Сколько до техники? - спросил Морозов.

Наумов посмотрел на часы.

- Если без привалов идти – часа два-три.

Несколько секунд оба молчали. Потом Морозов сказал:

- Я часть людей забираю и иду назад.

Наумов сразу покачал головой:

- У нас пятнадцать пленных.

- Вижу.

- Если их отобьют или перебьют - всё зря.

- А если сейчас там пацаны все полягут, то потом как ты жить дальше будешь? У них там сейчас каждый ствол на вес золота.

- Они уже вызывают авиацию, летуны им помогут – Не сдавался капитан – А у нас задание, мы ради этих бородатых рож сюда и шли.

- Во-первых, ты же сам слышишь, что там крупняк работает. – Покачал головой Морозов – Плюс несколько сотен рыл, у которых РПГ точно есть, а может и ПЗРК. Вертушки тоже могут попасть под раздачу. Во-вторых, там сейчас такая каша, что они даже не поймут куда бить, а если будет риск отработать по своим, они рисковать не будут. Ну и в-третьих, у нас связь внутри ущелья только между группами, до техники не добивает. Услышали их или нет, большой вопрос.

Наумов поморщился, но спорить дальше не стал, махнул рукой, мол делай что задумал. Он сам всё понимал. Сверху, словно в подтверждение слов старлея, снова тяжело застучал крупнокалиберный пулемёт.

Морозов быстро начал распределять людей:

- Серый, Чернов, Али, Рома, Муса - со мной. Богдан, ведешь группу дальше, остальные прикрывают отход и охраняют пленных. Чтобы всех довели! Если вздумают артачиться, можете пристрелить молодого у них на глазах.

- Разберемся – Усмехнулся начальник разведки отряда – Вы там главное сами поосторожнее. Как пойдете?

- Через верх. В обход. – Ответил Морозов - В лоб обратно к кишлаку не прорвемся, на этой тропе они нас одним пулеметом прижмут.

Наумов присел возле камня и быстро достал карту.

- Смотри – Подозвал он Морозова – Вот тут левее пятьсот, стенка до семидесяти градусов, с виду она не проходима, но, если подняться по ней немного, будит полка. Она уступом как раз вверх идет, почти до вершины хребта. Сверху вас видно не будет, ну и снизу, если идти осторожно, не должны спалить. Если подниметесь по ней, выйдете им во фланг. Может и в тыл.

- Понял.

- Рацию мне оставишь. – Посмотрел на старлея капитан – Ты сам знаешь, что так надо. Ну а я... а я, как только появится устойчивая связь с группой обеспечения, наведу по кишлаку артиллерию и продублирую запрос на вертушки.

Морозов кивнул радисту:

- Остаёшься с капитаном.

Потом посмотрел на нас:

- Всё лишнее кроме БК и воды сбросить. Пулеметные ленты все забрать. Идём быстро.

Мы без разговоров начали бросать часть вещей. Спальные мешки, бушлаты, сухпайки, часть трофеев. Всё это тут же подбирали остающиеся с капитаном бойцы и вешали на пленных. Зачем в горах оставлять, если есть кому нести? Я тоже избавился от лишнего, поправил ремень ПКМ и проверил короб. Почти полный. Шаповалов и остальные пацаны, которым дальше предстояло двигаться вниз, вытаскивали из своих рюкзаков ленты и короба к ПКМ, отдавая их нам.

Морозов осмотрел нас, потом поправил автомат:

- Пошли.

Мы сразу начали забирать вверх по склону. Не по тропе, а напрямую через камни и осыпь. Подъём оказался тяжёлый. Камни ехали под ногами, местами приходилось помогать себе руками. В ущелье стрельба и не думала стихать. Иногда казалось, что бой уже совсем рядом.

Впереди шёл сам Морозов. Он постоянно искал глазами проход, иногда менял направление буквально на несколько метров, обходя слишком крутые участки. За ним двигался Али, потом Чернов и остальные. Я шёл последним.

Подъем был сложным, на такие крутые склоны мы даже на тренировках не взбирались. Несколько раз приходилось передавать оружие и РД друг другу. Сначала наверх забирался человек, потом принимал рюкзаки, автоматы и пулемёт. Иначе в некоторых местах было попросту не подняться.

Вскоре мы уперлись в участок, который казался почти вертикальным. Голая каменная стенка метра четыре высотой. Снизу она выглядела непроходимой.

Морозов поднялся первым. Без разговоров. Забросил автомат за спину, нашёл носком кроссовка узкую трещину и полез вверх, цепляясь пальцами за камень. Двигался медленно, спокойно, будто делал это уже сотни раз. Через несколько секунд он скрылся из вида, потом снова появился. Старлей добрался до каменного уступа над скалой.

Наверху Морозов лёг на живот и начал принимать остальных. Чернов, матерясь сквозь зубы, бросил старлею наверх свой автомат и полез следом. Потом Рома. Потом Али.

Когда дошла очередь до меня, стало совсем весело. С ПКМ на таком подъёме особо не ползаешь. Пришлось сначала отдать наверх пулемёт и короба. Потом уже самому карабкаться, упираясь коленями и локтями в горячий шершавый камень. Несколько раз трофейные кроссовки срывались, вниз летела щебёнка.

Сверху Морозов поймал меня за разгрузку и рывком вытянул на полку. Только тут стало понятно, о чём говорил Наумов.

Полка действительно была. Узкий уступ вдоль скалы. Снизу его почти невозможно заметить. Каменная стенка нависала сверху, а край обрывался в распадок. Местами ширины было метра полтора, местами было настолько узко, что идти можно было только боком. Но главное - нас тут почти не было видно, и сам уступ уходил вверх, туда, куда нами и надо было.

Стрельба в ущелье теперь доносилась глухо, будто издалека. Иногда снизу слышались голоса, но саму полку закрывали выступы скал.

Морозов присел у края, посмотрел вниз, потом кивнул:

- Не обманул Наумов. Ладно пацаны, пошли.

Мы двинулись вверх цепочкой. Осторожно. Без разговоров. Морозов, как и прежде шел первым, выполняя роль головного дозора и проводника.

Любой нормальный человек боится высоты. Даже когда ты стоишь на балконе высотного здания, к краю тебе подходить ну никак не хочется, хотя от бездны внизу тебя отделяют надежные перила. А тут перил не было. С одной стороны, отвесная скала, за которую не ухватиться, а с другой - крутой обрыв, и острые камин внизу. Один не верный шаг, и гибель неизбежна. И ладно бы ещё налегке идти, а не как мы, груженные как ишаки в караване. Сзади тянет назад РД с БК, на плече неудобная тяжёлая железяка, которая так и норовит за что ни будь задеть.

Я старался не смотреть вниз, просто тупо переставлял ноги, пытаюсь удержать в груди бьющееся от страха сердце. Смотрел я вверх, и на спину идущего впереди Оздоева, поэтому наверно и заметил их первым.

Выше нас, по той же самой полке кто-то спускался. Видимо не одни мы знали о ней. Да и не мудрено, местные эти горы знают куда как лучше пришлых советских военных.

Их было человек пять. Шли цепочкой, тяжело дыша. Один тащил РПГ. Нас они пока не видели, потому что нависающий над полкой козырёк отбрасывал тень, а двигались они на встречу солнцу, которое слепило им глаза.

Я тут же молча хлопнул по плечу Оздоева и когда он обернулся, ткнул пальцем вверх. Снайпер понял всё мгновенно, и тут же повторил за мной, передавая информацию дальше. Когда дошло до Морозова, он сразу остановился и присел за камень. Несколько секунд смотрел, потом медленно поднял руку: тихо.

Глава 5

Али уже вытаскивал из кобуры ПБ. Морозов снял с предохранителя АПБ. Я аккуратно положил пулемет на скалу и достал свой пистолет. Остальные бойцы группы готовили автоматы с приборами бесшумной стрельбы к бою. Мы все вжались в скалы, стараясь исчезнуть из поля зрения противника.

Духи подходили всё ближе. Они слушали бой внизу, всё их внимание было обращено туда, и они явно не ожидали встретить кого-то здесь, на этой чёртовой полке.

Когда между нами осталось метров десять, Морозов коротко махнул рукой.

АПБ тихо хлопнул почти неслышно. Сразу следом дважды кашлянул ПБ Али. Я тоже выстрелил.

На узком уступе скалы всё закончилось за секунды. Два шедших впереди духа рухнули назад и сорвались со скалы вниз. Третий осел на колени, выронив автомат. Четвертый был только ранен, он попытался развернуться, но Морозов уже оказался рядом и просто столкнул его с уступа. Последнего Али добил почти в упор.

И снова стало тихо. Только где-то далеко внизу продолжали тяжело трещать пулемёты. Морозов сразу присел возле края уступа и несколько секунд слушал. Ни криков. Ни стрельбы рядом. Только далёкий бой внизу.

- Уходим, - тихо сказал он. - Быстро.

Группы обыскивать не стали. Некогда. Только Али сорвал с одного духа китайскую рацию и сунул себе за пазуху. Мы снова двинулись вверх по полке. Теперь уже быстрее. После стрельбы оставаться на месте было нельзя. Если эти не выйдут на связь, духи быстро поймут, что на склоне кто-то есть.

Полка постепенно поднималась всё выше. Местами она расширялась, потом снова превращалась в узкий каменный карниз. Под ногами сыпалась мелкая щебёнка. Приходилось постоянно смотреть, куда ставишь ногу, чтобы не улететь вниз.

Ниже бой становился всё тяжелее. Мы уже прошли мимо кишлака, и теперь хорошо слышали даже команды на дари, Ущелье как паутина пересекали нити светящихся трассеров. Зеленые, красные, оранжевые. Били гранатометы, тяжело и размеренно работал крупнокалиберный пулемёт.

Мы как раз проходили очередной изгиб скалы, когда Морозов резко поднял кулак. Все сразу прижались к камню.

Ниже, прямо под полкой, среди камней держала оборону наша группа. Человек восемь или девять. Разведчики засели за валунами и отстреливались вниз. Один работал из ПКМ короткими очередями, несколько человек били гранатами из подствольников. За большим валуном сидел радист и что-то говорил в рацию, рядом с ним лежал раненый. Белые, окровавленные бинты было хорошо видно с высоты.

Духи давили их снизу и с другого склона. По камням вокруг разведчиков постоянно били пули. Я даже узнал одного из бойцов. Кажется, из третьей роты. Лица видно не было, но голос знакомый. Он что-то орал пулемётчику, перекрывая стрельбу.

До них было метров тридцать по вертикали. Если крикнуть - услышат. Но Морозов даже не посмотрел в их сторону. Только сделал жест рукой: не высовываться.

Все понимали почему. Если сейчас начнём перекрикиваться или откроем огонь, нас сразу засекут. Тогда вместо удара во фланг сами встрянем в бой прямо на открытой скале. И всё. Конец обходу, да и нам тоже. Одного выстрела из РПГ хватит, чтобы нас скинуть вниз. Укрыться тут толком негде.

Мы лежали молча, пока внизу трещали автоматы. В какой-то момент один из разведчиков высунулся слишком далеко, и пуля сразу ударила в камень возле головы. Его дёрнули обратно за разгрузку. ПКМ тут же ответил длинной очередью.

- Держатся, - тихо прошептал Муса – Но зажали их основательно. Не отойти.

Морозов ничего не ответил. Только подождал, пока духи снова перенесут огонь вниз, и махнул рукой вперёд. Мы продолжили подъём. Теперь шли ещё осторожнее. Несколько раз приходилось буквально ползти по камням. Воздух стал холоднее. Ветер на высоте пробирал даже через разгрузку и мокрую от пота форму. Потом склон наконец начал выполаживаться.

Морозов первым выбрался наверх и сразу лёг, осматриваясь. Мы один за другим поднялись следом. Это был гребень хребта. Сверху открывался вид на всё ущелье. И только теперь стало понятно, насколько там внизу всё плохо.

Бой шёл почти по всей долине. Между камней мелькали группы духов, кто-то поднимался по склонам, кто-то перебегал между дувалами возле кишлака. Наши группы отходили вверх, постоянно отстреливаясь.

Но главное было не это. Главное - нас здесь никто не ждал. С этой стороны хребет был даже при внимательном осмотре почти непроходимым. Можно подняться, но не под огнем и не быстро. Все внимание духов было обращено вниз, к ущелью и тропам отхода. Мы оказались у них в тылу.

Морозов несколько секунд молча смотрел вниз. Потом медленно опустил бинокль. Сверху стало видно гораздо больше, чем снизу из ущелья. Между камней и на склонах держались сразу несколько наших групп. Одну мы недавно видели прямо под собой, но дальше по ущелью трещали ещё пулемёты, мелькали вспышки автоматных очередей, перебежали фигуры в нашей форме. Групп прикрытия было не меньше пяти. Они держали оборону отдельными очагами, цепляясь за каждый камень и каждую складку склона. А духи постепенно сжимали кольцо.

Пять групп... Это чертовски мало. В каждой по двенадцать-четырнадцать человек всего, и того около семидесяти бойцов, ну и нас шестеро. А противника внизу в несколько раз больше, у них есть тяжёлое оружие.

Нас пока не заметили, ни свои, ни духи. Наверх никто не смотрел. Скорее всего не думали, что кто-то может их обойти и атаковать с тыла. Как бы там не было, но такая беспечность противника была нам на руку.

Морозов быстро оглянулся на нас.

- ПБСы снять. Всем работать плотно. Залп гранатами из подствольников, потом открываем огонь. Пусть думают, что им в тыл целый отряд зашёл. Занимайте позиции. Серёгин, сотку не жалеючи вниз засади сразу. Пусть видят, что мы патроны не экономим.

- Есть засадить сотку, товарищ старший лейтенант – Усмехнулся я.

Сотку так сотку. Это всего одна лента. Ствол выдержит, из него можно и двести отстрелять без замены одной очередью. Но я так конечно делать не буду. Запасного ствола у меня с собой нет, остался у Шаповалова. Первый короб отстреляю, как и приказал старлей, но не непрерывно. Буду бить короткими, прицельными очередями, зато часто. Да и смену позиций никто не отменял. Пока буду перемещаться, ствол хоть немного, но остынет.

Группа расползлась по камням, выбирая себе основные и запасные стрелковые точки. Я подтянул к себе ПКМ, поставил на сошки и быстро развернул его вдоль гребня. Рядом Рома вытаскивал гранаты к подствольнику. Али передёрнул затвор автомата. Муса лёг чуть в стороне, устроив снайперскую винтовку между камней.

Внизу снова ударил РПГ. Возле одной из наших групп взметнулась пыль и камни. Откуда-то левее тяжело и длинно заработал ещё один пулемет. Ему сразу ответили десятки стволов. Морозов дождался, пока духи снова полезут вперёд, и резко махнул рукой:

- Огонь!

Почти одновременно хлопнули четыре подствольника, окутав стрелков облачками серого дыма от вышибных зарядов, потом сразу заговорили автоматы. Мой ПКМ ударил так, что эхо сразу покатило по всему ущелью.

Я провёл длинной очередью прямо по группе духов укрывшихся между камней. Они сидели на корточках к нам спиной, время от времени высываясь и стреляя по позициям группы прикрытия.

Несколько человек сразу рухнули. Остальные инстинктивно присели, не понимая, откуда по ним работают. И им тут же прилетело снова, тоже основательно. Кто-то из наших всадил ВОГ прямо в скопление духов возле большого валуна. Граната рванула среди растерявшихся бойцов противника.

Муса работал спокойно, как на стрельбище. Один выстрел - один дух падал или исчезал за камнями. Он бил по тем, кто пытался организовать остальных, гранатомётчикам и расчетам пулеметов.

Духи заматались. Кто-то продолжал стрелять по обороняющимся среди камней группам прикрытия, даже не поняв, что огонь уже идёт с тыла. Кто-то начал разворачиваться назад. Несколько человек вообще побежали к кишлаку.

Я выпускал очередь за очередью. С такой высоты позиции духов и спины отступающих у меня были как на ладони. Пули выбивали пыль и каменную крошку прямо среди бегущих.

- Дави их! – азартно крикнул Али, меняя уже третий магазин.

Морозов работал спокойно, короткими очередями. Смещался вдоль гребня, бил и снова менял позицию.

Главное уже произошло. Духи решили, что им в тыл зашла крупная группа спецназа. Их огонь по нашим сразу просел. По всему ущелью началась путаница. Несколько групп моджахедов начали откатываться вниз, к дувалам. Другие залегли, пытаясь понять, сколько нас наверху.

Это почувствовали и наши. Сразу несколько групп прикрытия начали отходить перебежками выше по ущелью. Грамотно отходили, прикрывая друг друга. Одна группа уходит, вторая давит противника огнём, давая соседям уйти и закрепиться на новой позиции. Мы тоже как могли прикрывали парней. Мой ПКМ бил почти без остановки, я только и успевал ленты менять.

Но и духи оказались не пальцем деланные. Они быстро начали приходить в себя. Не все, но некоторые сообразили, откуда по ним ведётся огонь. По гребню защёлкали пули. Каменная крошка брызнула мне в лицо. Прямо из кишлака, из одного из дувалов тяжело ударил китайский ДШК. По нам... Над головой будто рвали воздух огромной пилой.

- Сменить позиции! Не кучковаться! - рявкнул Морозов.

Мы расползлись шире по гребню, продолжая бить вниз. Сыгравшие нам на руку внезапность нападения и скрытность закончилась. Теперь это уже был обычный бой. Только духи внезапно получили огонь себе в спину и пока ещё не понимали, сколько нас здесь на самом деле.

И тут по ущелью ударила артиллерия. Сначала где-то далеко глухо бухнуло. Потом ещё раз. А через несколько секунд первые разрывы легли прямо по кишлаку. Наумов обещание сдержал.

Снаряды пришли точно. Один дувал буквально разметало в труху от прямого попадания. Следующий разрыв лёг между домами, выбросив вверх землю, камни и куски дерева. Над кишлаком сразу поднялось густое облако пыли и дыма.

А потом артиллерия начала работать серией. Разрывы пошли один за другим. Земля внизу будто заходила ходуном. Между дувалами вырастали пыльные столбы взрывов. Где-то рванул боекомплект, и над кишлаком поднялся чёрный дым.

И духи побежали. Не отходить начали. Именно побежали. Это было видно сразу. Только что они ещё стреляли, перебежали между камнями, лезли вверх по склонам. А теперь всё рас-

сыпалось. Кто-то рванул обратно в сторону от превратившегося в ад кишлака, кто-то вниз по распадкам, кто-то просто бросился куда глаза глядят. Несколько человек пытались что-то кричать и махать руками, но их уже никто не слушал.

Их полевых командиров мы взяли ещё в кишлаке. Организовывать этот сброд теперь было некому. Артиллерия только добила остатки порядка.

- Всё. Поплыли, - спокойно сказал Морозов, не отрываясь от бинокля.

Я снова ударил из ПКМ вниз по склону. С такой высоты всё было видно отлично. Духи уходили. Некоторые тащили раненых. Другие бросали оружие и карабкались между камней налегке. Несколько человек вообще побежали прямо через открытый склон. Вот их-то я и выбрал своей целью.

Муса спокойно снимал тех, кто пытался остановиться и собрать остальных. После его выстрелов очередной дух валялся на камни, и вся куча бородатых бойцов, откликнувшихся ранее на призыв, снова срывалась на бег.

Артиллерия продолжала накрывать кишлак. Один снаряд ударил прямо возле большого дувала, откуда раньше бил ДШК. После взрыва пулемёт замолчал окончательно.

Внизу наши группы прикрытия это тоже почувствовали. Сразу несколько разведчиков начали отходить вверх перебежками уже почти в полный рост. ПКМ из-за валунов работал длинными очередями, прикрывая отход. Где-то справа, за пределами моей видимости в их сторону ударил РПГ. Не точно, просто в белый свет как в копеечку. Наши вырывались.

По нам ещё стреляли. Но уже нервно и беспорядочно. Несколько очередей защёлкали по гребню, пули выбили каменную крошку рядом со мной. И всё. Никакого прицельного огня, никакой попытки снова нас прижать. Духам стало не до этого. После нашей атаки с тыла и удара орудий весь их напор исчез за несколько минут.

- Не даём им останавливаться, - бросил Морозов. - Работаем дальше.

Мы продолжали бить вниз по бегущим фигурам, пока группы прикрытия одна за другой выходили из-под удара.

Минут через десять всё было кончено. Стрельба в ущелье ещё вспыхивала отдельными очередями, но это уже были остатки. Основная масса духов ушла. Артиллерия ещё несколько раз ударила по кишлаку и затихла. Над долиной повис тяжёлый запах пыли, сгоревшей взрывчатки, пороха и дыма.

- Всё. Сворачиваемся, - сказал Морозов, поднимаясь из-за камня.

Я откинул крышку последнего оставшегося у меня короба, в ленте оставалось совсем немного. Ствол ПКМ был раскалён так, что над ним дрожал воздух. Я даже с расстояния чувствовал жар металла.

Ниже одна за другой начали собираться наши группы. Разведчики выходили из-за камней, перекликались, проверяли своих. Кто-то тащил раненых. Двое волокли убитого, завернутого в плащ-палатку.

Мы начали спускаться с гребня. Теперь уже быстро, не скрываясь. Иногда под ногами срывались камни и с грохотом летели вниз, но всем было уже плевать.

Когда добрались до своих, я наконец увидел, кто всем этим командовал. Возле большого валуна стоял сам майор. Командир отряда. Грязный, небритый, с автоматом на груди и пыльной разгрузкой поверх выгоревшей горки. Рядом радист с рацией на коленях пытался поймать связь.

Вот почему группы прикрытия так долго держались и не отходили. Майор лично руководил боем. Он посмотрел на нас, потом перевёл взгляд на Морозова.

- Красиво зашли, старлей. Очень вовремя.

Морозов только пожал плечами.

- Повезло.

- Не повезло, а нормально сработали.

Майор снял флягу, сделал глоток и протянул Морозову. Потом посмотрел на меня и на раскалённый ПКМ.

- А этот вообще половину ущелья прижал.

Я только усмехнулся и сел на камень. Ноги после всего этого вдруг стали ватными.

Постепенно начали подтягиваться остальные группы. Люди выходили из распадков по двое, по трою. Усталые, грязные, злые. Почти у всех пустые или полупустые магазины. У многих закопчённые лица от разрывов и пыли.

- Наумов до техники дошёл, - сказал майор. - Почти всех довёл.

- Почти? - Переспросил с тревогой в голосе Морозов.

Майор зло сплюнул в сторону.

- Сынок командира ушёл. На спуске. С обрыва прыгнул.

Несколько человек рядом сразу усмехнулись.

- Живой? - спросил Морозов.

- Хрен его знает. Ему в спину стреляли, но там темно уже было под склоном. Проверять не стали. Если бы погнались, остальные пленные могли разбежаться.

Морозов кивнул.

- И чёрт с ним. Не велика птица. Нам и этих хватит.

Майор снова посмотрел на Морозова. Несколько секунд молчал, будто что-то прикидывая. Потом спокойно сказал:

- За такую работу тебя на Героя надо представлять, старлей.

Кто-то рядом тихо присвистнул. Морозов сразу поморщился.

- Да бросьте, товарищ майор.

- Не брошу.

Майор ткнул пальцем в сторону ущелья.

- Больше десятка полевых командиров. Наумов сказал, что эта твоя была идея так в наглую их захватить. За одного то уже орден положен, а тут пятнадцать. И если бы вы духам в тыл не влезли, мы бы сейчас отсюда половину людей не вывели. Это факт. Опять же, ты по своей инициативе к ним в тыл поперся, хотя мог уйти... Так что к Герою, однозначно!

Потом он обвёл взглядом всю нашу группу.

- А вас всех к орденам. Заслужили.

Несколько секунд стояла тишина. Никто особо не радовался. Слышали мы уже про ордена неоднократно, за ту же Кареру, за уничтожение караванов. Слышали, но пока ни одного не так и не увидели. К тому же мы слишком вымотались, а вокруг лежало слишком много убитых и раненых, чтобы сейчас думать про награды. А потом кто-то достал флягу. Кто-то нервно закурил. И только теперь стало приходить понимание, что мы всё-таки выбрались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.